

Американская стратегическая культура

Олег Иванов,
кандидат политических наук

“Американский способ ведения войны отражает особенности американского общества, в то время как американские вооруженные силы отражают реальные, предвкушаемые и вероятные требования американской внешней политики”¹.

К.Грей, политолог

Американская стратегическая культура носит свой оригинальный характер, так как является частью общей американской политической культуры и отражением как военно-стратегического опыта, так и социального и культурно-исторического развития государства.

По словам американского политолога К.Грея стратегическая культура определяет “наш национальный подход к войне как инструменту политики”².

Поскольку США являются ведущей страной мира и, как показывают недавние американские операции в Афганистане и Ираке, военная сила остается одним из важных инструментов по достижению ими своих национальных интересов. Поэтому вопрос: о сущности американской стратегической культуры становится особенно актуальным.

Необходимо иметь в виду, что на формирование американской стратегической культуры повлияли и продолжают влиять внутренние и внешние факторы.

К внутренним факторам можно отнести следующие:

- континентальная изолированность;
- отдаленность серьезных угроз безопасности частично в виду военной слабости непосредственных соседей;
- опыт освоения приграничных территорий;
- устойчивые фундаментальные религиозные верования;
- национальная субструктура иммигрантов”³.

Что касается внешних факторов, то одним из самых значительных является динамичный баланс сил в международной системе.

В настоящее время сложился дисбаланс силы в пользу США.

По утверждению американского исследователя Р.Кейгана, существенное и постоянно возрастающее неравенство сил между США и Европой не могло не вызвать углубления пропасти в стратегическом восприятии и стратегической культуре.

Сильные державы изначально смотрят на мир иначе, чем более слабые. Они не одинаково оценивают опасности и угрозы, по-разному определяют безопасность и имеют иные пороги терпимого отношения к опасности.

Правильное понимание значения и места такого иррационального фактора как культура в применении военной силы или в выработке стратегии по ее применению важно, так как пренебрежение им или акцентирование своих действий исключительно на рациональной модели может привести к сверх обобщениям и не дать возможность построить свои приоритеты. Поэтому опасно переносить особенности своей стратегической культуры на противоположную сторону, и смотреть на нее через призму своей стратегической культуры.

Например, согласно выводам, которые делает политолог Шулски, в рамках своей стратегической культуры США могут рассматривать отсутствие видимых приготовлений применения силы как признак того, что противнику не хватает воли или возможностей.

Вместо этого, оно может отражать желание противника достичь неожиданности, когда в реальности нападение произошло.

Например, как США (в Корее, 1950 г.), так и Индия (1962 г.) неправильно восприняли тактическую "паузу" Китая (то есть прекращение боевых действий вслед за первоначальной атакой со стороны Китая) как признак того, что китайцы не желали или были неспособны вести крупные боевые действия.

Незнание или непонимание стратегической культуры может привести к ложной оценке возможных действий противоположной стороны. Что касается самих США, то открытая демонстрация военной силы в

виде проводимых маневров или концентрации сил для вероятного нападения соответствует их стратегической культуре и особенно явно выражено в реализации стратегии сдерживания. Но нельзя уходить и в другую крайность, когда фактор культуры начинает диктовать определенные решения тем, кто их принимает.

Поэтому, по мнению американских политологов Ф.Дауни и С.Метца, успешный стратег должен понимать американскую политическую культуру. Приобретение такого понимания это усилие на всю жизнь.

В политической культуре есть устойчивые темы, но есть и такие, которые появляются, исчезают и меняют свою важность. Простого перечня не будет достаточно, поскольку темы политической культуры не обладают одинаковой важностью в каждой ситуации. Стратег должен понимать социальные условия, которые вызывают сдвиг в ценностях.

Необходимо знать и учитывать фактор культуры вообще и политической культуры в частности, поскольку знание этого фактора ведет к:

- “— лучшему пониманию своей и других культур в локальном смысле;
- лучшим возможностям различать устойчивые политические мотивации и делать прогнозы;
- лучшим возможностям сообщать то, что необходимо сообщить;
- лучшим возможностям понять значение событий в их оценке другими”⁴.

Поскольку стратегическая культура вообще, и американская в том числе,

связана с видением места и особенностей применения силы, то для того, чтобы правильно понять американскую стратегическую культуру, необходимо ответить на вопрос: "Что влияет на то, что должен чувствовать, думать и как себя вести американец относительно военной силы"? Для этого необходимо рассмотреть ряд положений, раскрывающих американскую стратегическую культуру.

Отношение к фактору времени.

Проводя компаративный анализ американской культуры с китайской культурой, Г.Киссинджер отмечает разницу восприятия фактора времени: "Пульс времени Китай и Америка ощущают по-разному. Если спросить американца о каком-нибудь историческом событии, он назовет вам конкретную дату, а китаец назовет династию, в правление которой оно произошло. Из 14 императорских династий по меньшей мере восемь правили дольше, чем вся история Соединенных Штатов"⁵.

Обладая различным ощущением пульса времени, неудивительно, как подчеркивают Ф.Дауни и С.Метц, что американцы часто ведут себя, как будто мир был создан в 1945 г. В американской внешней политике содержится мало глубокого понимания истории, которое наполняет государственное управление стран Европы и Азии.

Это не должно удивлять: одержимость новыми вещами находится в центре американской культуры... Новое обычно считается лучшим.

В качестве примера можно рассмотреть отношение американского военно-политического сообщества к стратегии по борьбе с повстанцами. Она была весьма популярной до поражения США в войне во Вьетнаме.

После печального опыта войны той же стратегии дали название стратегия "конфликтов низкой интенсивности" (КНИ).

Ф.Дауни и С.Метц отмечали, что все, что имеет ярлык стратегии КНИ, имеет больше шансов быть принятым, чем стратегия по борьбе с повстанцами. Даже те измерения антиповстанческой доктрины, которые прошли испытание временем, должны быть переупакованы, чтобы выглядеть новыми.

Американское стремление быстро решить имеющиеся проблемы и достичь поставленные задачи, является отражением восприятия узости исторического процесса.

Недостаток терпения усиливается электоральным циклом. Положительные результаты нужны к определенному сроку, связанному с предстоящими выборами. Этот фактор стал частью американской культуры и оказывает постоянное давление на военно-политическое планирование.

Как считают Ф.Дауни и С.Метц, для стратега нетерпение создает проблемы. Даже когда он осознает, что рекомендации, ведущие к быстрому разрешению, будут восприняты политиками, проницательный стратег также знает, что именно эти рекомендации провалятся, как только они начнут выполняться. Стратег часто оказывается в ситуации выбора между предложением плохого совета, на который скорее обратят внимание, и хорошего совета, который вероятно будет проигнорирован.

Отношение к проблемам в международных отношениях и способам их разрешения. Являясь технократичными по своей природе, американцы ориентированы на нахождение пути решения любой проблемы, причем в короткие сроки.

"Американцы ищут решения конкретных проблем.

Китайцы видят в истории процесс, у которого нет видимой кульминации.

Американцы считают, что в основе международных разногласий лежит либо

недопонимание, либо чья-то злая воля. В первом случае можно действовать убеждением (иногда достаточно настойчиво), во втором – нужно одолеть злодея или его уничтожить.

Китайцам чужд личный подход, они сдержаны и терпеливы, в то время как Вашингтон в международных отношениях старается апеллировать к доверию и доброй воле⁵.

Действительно, согласно американской политической культуре, проблемы и угрозы создают “плохие парни” и если избавиться от них, тем самым освободив другие народы и государства, то это будет соответствовать американским национальным интересам, а США и весь мир будут в безопасности и процветать.

Это может быть одним из объяснений стремления американской администрации отстранить от власти таких лидеров как С.Милошевича в Югославии и С.Хуссейна в Ираке.

Такое восприятие мира через призмы “черное – белое”, по сути, является феноменом, известным в теории международных отношений как “зеркальный образ”. Это весьма упрощенное восприятие мира американцами, по мнению Г.Киссинджера, и объясняет отношение китайцев к американцам как к сумбурным и легковесным людям.

При таком восприятии американской культурой проблем и способов их разрешения в международных отношений применение военной силы может быть неадекватной и весьма опасной.

В зависимости от культуры по-разному могут восприниматься даже такие явления как кризисы.

Американский политолог Р.Беттс подчеркивает, что американская концепция кризиса рассматривала его только как опасность, которая вела к использованию

кризисного менеджмента. Она была нацелена на разрешение кризисов, а не рассматривала кризис как возможность воспользоваться им для своих интересов.

В то же время китайская концепция подчеркивала, что кризисы это новые возможности.

Такое различное прочтение кризисов, а также различная интерпретация планов и расчетов лежит в основе того непонимания, которое сложилось в отношениях между Китаем и США еще в годы “холодной войны”.

Вера в свою уникальную мессию в мире. Американцы уверены в том, что они обязаны выполнять свою уникальную мессию в мире в духе крестовых походов.

Как подчеркивает Г.Киссинджер: “Крестовые походы от имени демократии неявно выражены в американском политическом мышлении, но периодически ярко проявлялись в американской политике со времен Вудро Уилсона и особенно в политике администрации Дж.Буша”⁶.

Отсюда и исходят попытки распространить и внедрить систему американских ценностей как универсально подходящую всем культурам.

“Приверженцы идеи “благожелательности” и важности американской миссии убеждены, что все народы должны разделять те же ценности, что и американцы; если этого не происходит сразу, то они все равно захотят поклоняться тем же ценностям в будущем и будут готовы принять их; если же они отказываются от этого, то это ошибка, и они не понимают, что хорошо и что плохо для их страны, поэтому Вашингтон должен убедить их или заставить их принять эти ценности”⁷.

В этом случае военная сила также выступает инструментом “помощи” принятия этих ценностей другими народами и государствами и создание новых государств. Именно на американской военной силе держится сегодняшняя администрация в Ираке.

Вера в свою исключительность. Известный лозунг “Права или не права, моя страна всегда права” сидит глубоко в сознании американцев и тесно связан с искренним убеждением в своей исключительности. Вера американцев в свою исключительность основывается на морализме ранней республики, когда американцы начали считать, что они морально выше “старого света”, раздираемого социальными противоречиями и религиозными преследованиями.

По характеристике американского историка Ф.Логеваля, Америка представляет собой высшую форму цивилизации, светоч надежды для всего человечества. Ее политика уникально бескорыстна, а ее институты заслуживают особого подражания.

Вера в свою исключительность находит свое отражение в позиционировании себя в мире. Весьма точна точка зрения, высказанная Ф.Дауни и Р.Метцем, что если США не солипсистичны, то по крайней мере, они ужасно самоцентричны.

В некоторой степени все государства стремятся вменять другим свои собственные восприятия, ценности и мотивации в том, что называется “зеркальное отражение”. Однако, США часто доводят эту тенденцию до предела. В результате американская стратегия упускает из вида ключевые отличия в восприятии, ценностях и мотивациях как своих союзников, так и оппонентов. Частью американской политической культуры является ощущение собственной “исключительности”, которое имеет особый идеологический характер.

По мнению член-корреспондента РАН С.Рогова, США являются чрезвычайно идеологизированной страной, считающей себя “сияющим градом на холме”.

Это восприятие основывается на том факте, что США были первой страной, созданной на основе конституции. Если в XVIII и XIX вв. считалось, что эта исключительность поддерживала изоляционизм в политике, то в последующий период эта черта стала оправдывать необходимость взять на себя глобальное лидерство.

В среде американской элиты широко распространена вера в то, что большинство стран хотят быть похожими на США, и принимают их лидирующую международную роль.

Создание образа врага. Если противника нет или его угроза не так велика, то для преследования собственных национальных интересах, враг либо создается, либо его опасность преувеличивается.

Пример американской кампании в Ираке в 2003 г. наглядно свидетельствует о том, как преувеличивалась опасность режима С.Хуссейна и принималось “нужное” решение для его свержения.

Американские разведчики были поставлены своим руководством перед задачей, найти быстрое решение в условиях неполной или искаженной информации о наличии ОМУ в Ираке.

Бывший помощник государственного секретаря и специального советника президента, а сегодня директор департамента международной безопасности и оборонной политики в РЭНД Корпорейшн Доббинг отмечал, что этот провал разведслужб может объясняться естественной склонностью аналитиков преувеличивать любой возможный риск, которая была подкреплена склонностью политиков преувеличивать риск того, что у С.Хуссейна могло быть оружие массового поражения.

Как иллюстрирует анализ событий, преувеличение аналитиков явилось и результатом такого явления, которое достаточно хорошо известно среди специалистов в области национальной безопасности, когда политики – потребители развединформации обращают внимание только

на те сведения или требуют от разведчиков только ту информацию, которая поддерживает существующую или намеченную политическую линию. Согласно некоторым свидетельствам, скорее всего это и произошло в рассматриваемом случае.

Подтверждает данный тезис вывод, сделанный в докладе американского Фонда Карнеги, что где-то в 2002 г. на разведывательное сообщество начали оказывать неправомерное давление взгляды политиков. В Вашингтоне образовались два мощных рычага воздействия на президента Буша:

– Первый – Пентагон во главе с министром Рамсфелдом и его заместителем Вулфовичем. В Пентагоне было создано управление специальных планов (*Office of Special Plans*), задачей которого был самостоятельный анализ поступающей информации по Ираку. Но, как оказалось, по большому счету сотрудники управления занимались "сбором вишни"*, то есть отбирали те сообщения, которые подтверждали уже существующие взгляды политиков на проблему, отвергая все остальные.

– Второй рычаг – приобретшие больший вес и влияние, чем традиционно принято в американской национальной безопасности, должность вице-президента и его аппарат.

Американский эксперт Херш отмечает, что старшие аналитики ЦРУ, работавшие по Ираку, находились под постоянным давлением аппарата вице-президента Чейни, дабы они предоставляли только наихудшие сценарии по оценке ситуации с ОМП в Ираке. Вскоре они "сдались" и начали предоставлять "нужную" информацию.

Демонизация противника. Одной из характерных черт американской культуры является реализация такого политологического понятия как "зеркальный образ".

Понятие "зеркального образа" говорит о том, что каждая из противоположных

сторон считает, что она обладает положительным и добропорядочным образом, в то время как противоположная сторона демонизируется.

Таким образом, мир выглядит в тонах белый – черный или свой – чужой и плохой – хороший.

Российский историк В.Печатнов утверждает, что еще в период "холодной войны" отсюда происходила склонность к демонизации противника, которая поощрялась громоздкой конституционной системой "сдержек и противовесов" и популярностью массового антикоммунизма, что толкало политиков к повышенному алармизму в отношении "советской угрозы".

В настоящее время американская военно-политическая элита склоняется к тому, чтобы демонизировать все государства и их лидеров, которые не проявляют свою лояльность политике США. Поэтому любая враждебность к Соединенным Штатам по определению направлена против прогресса и правого дела, а, следовательно (тоже по определению), находится вне закона.

Именно таким восприятием обладает президент США Дж.Буш, когда он заявил, что весь мир делится на тех, кто поддерживает США в борьбе с терроризмом и тех, кто стоит на стороне террористов, если они не согласны с США в борьбе с ним.

Подход на основе "зеркального отражения"искажает объективное восприятие международного окружения, поскольку даже не все союзники США поддерживают американские методы в борьбе с террором. В целом как результат, демонизация противоположной стороны становится источником выборочного невнимания, отсутствием сочувствия к другому и излишней военной уверенности.

* *Cherry-picking* – профессиональный разведывательный сленг.

Отношение к военной силе. Если исторически американское общество подозрительно относилось к применению военной силы в своей внешней политике, то, начиная с появления известного документа национальной безопасности NSC-68 в рамках стратегии сдерживания, военная сила стала рассматриваться как панацея для разрешения политических проблем. Она ориентирована на кратковременное и эффективное применение с упором на технологическое превосходство над противником. На протяжении всей "холодной войны" кроме периода после вьетнамского синдрома эта тенденция сохранялась в разных вариациях.

Уже после окончания "холодной войны", являясь государственным секретарем, М.Олбрайт подчеркивала, что иногда лучше иметь дело с нестабильностью, когда она все еще на расстоянии, чем ждать ее появления у порога.

Причем речь шла не только о дипломатических усилиях, но и о применении военной силы.

Такая логика объясняет одно из ключевых положений доктрины Клинтона о том, что лучший способ сохранить стабильность в тех регионах, которые действительно важны для Соединенных Штатов, как например Западная Европа, это борьба с нестабильностью в других регионах, как бы незначительна она не выглядела до того, как она может усилиться и распространяться. В связи с этим, положения доктрины Уайнбергера – Пауэла стали считаться устаревшими. Стратегия НАТО во время бомбардировки Югославии была анти-доктриной Пауэла, заметил уже в наше время представитель Белого дома.

В настоящее время признается, что война, ориентированная на кратковременное и эффективное применение военной силы, не является самым сильным местом, поскольку, по

мнению самих американских экспертов, американские военные обладают умением вести сражения, но не войну. К сожалению, война не только связана с наиболее точным нанесением огневого удара и с быстрым и решительным маневром механизированных сухопутных сил. Кроме этого, судя по недостаточно эффективным действиям американских военнослужащих уже в конфликте низкой интенсивности в Ираке после свержения режима С.Хуссейна, американские политики и стратеги преиспользовали или недооценили известное правило, гласящее: что к войне нельзя прибегать, не принимая во внимание, ее политический, социальный и культурный контекст.

Американская стратегическая культура по-своему рассматривает потенциал уничтожения противника. В частности, по мнению Р.Бетса, американские руководители полагали, что способность военного уничтожения является ключом сдерживания. В то время как, например, китайские руководители подчеркивали, что массы, владеющие оружием, и социальная сплоченность, а не само оружие являются ключом сдерживания.

Низкая терпимость к людским потерям. Этот фактор проистекает из индивидуализма как одной из важных составляющих общей американской культуры, уходящими корнями в протестантизм.

Американское общество крайне болезненно воспринимает боевые потери среди американских военнослужащих. Поэтому американская стратегическая культура направлена на максимальное сохранение жизней своих военнослужащих.

Р.Бетс утверждает, что американские руководители рассматривали перспективу человеческих потерь врожденно негативно, имея в виду, конечно, собственные потери, а не противника.

В отличие от них китайцы считали, что человеческие жертвы являются необходимой ценой прогресса и свидетельство того, что политические завоевания достигаются.

Резкое неприятие потерь как часть американской культуры стало причиной бурного недовольства американского общества потерями, которые понес американский военный контингент в Сомали в 1993 г. Протесты американцев, последовавшие после показа убитых военнослужащих США по телевизионному каналу Си Эн Эн, вынудили президента Клинтона вывести войска из Сомали.

По признанию американского военного эксперта Дж.Трэхана, когда дело справедливое, а ставки высоки, американцы демонстрируют замечательную устойчивость. В менее важных делах их культурная терпимость к потерям низкая.

В 2002 г. министр обороны США Рамсфелд выпустил руководство по применению военной силы, в котором говорится, что руководители США должны избегать давать обещания не делать что-то (например, не использовать сухопутные войска, не бомбить ниже 20000 футов (поскольку повышается риск для летчика быть сбитым средствами ПВО противника), не рисковать жизнями американцев).

Это положение руководства свидетельствует о том, что в рамках трансформации вооруженных сил Рамсфелд пытается отойти от неприятия потерь как фактора стратегической культуры. Низкая терпимость к людским потерям рассматривается противниками США как их уязвимое место, которым необходимо воспользоваться, чтобы добиться победы над США.

Сами американские эксперты подчеркивают, что на затягивание боевых действий для нанесения больших потерь нацелены и асимметричные действия возможных противников. Рост потерь и неопределенная перспектива в Ираке также выводят на первый план данные особенности американской стратегической культуры.

Влияние практики и культуры предпринимательства. Практика и культура предпринимательства является частью американской стратегической культуры.

Гражданское общество и большой бизнес оказывал и продолжает оказывать огромное влияние на выработку военно-политических стратегий и особенности применения военной силы.

Согласно законодательству США, министром обороны может быть только гражданское лицо. В структурах министерства обороны, научных учреждениях военного профиля и в самих вооруженных силах работает много гражданских специалистов.

Гражданские и военные связаны общими деловыми и иными интересами. Крупный бизнес оказывает огромное влияние через ВПК страны. Идет постоянная ротация верхнего и в значительной степени среднего эшелонов военно-политической элиты из мира бизнеса в государственный аппарат и обратно.

Так например, Д.Чейни занимал должность министра обороны в администрации Дж.Буша-ст., затем ушел в нефтяной бизнес, а в администрации Дж.Буша-мл. стал вице-президентом.

Бывший министр обороны в администрации Дж.Буша-мл. Д.Рамсфелд занимал эту должность ранее при президенте Р.Рейгане, а в промежутке также работал в бизнесе.

Наиболее авторитетные ученые и эксперты в военно-политических исследованиях как Б.Броди, А.Джордж, Г.Киссинджер, Г.Моргентау, Р.Смоук, Т.Шеллинг и многие другие были гражданскими людьми.

Большой бизнес стал частью американской стратегической культуры благодаря применению экономической теории в разработке военной стратегии.

В частности, заняв должность министра обороны при президенте Дж.Кеннеди, Р.Макнамара ввел в военное дело широко применявшийся в бизнесе системный анализ. Главной задачей, по мнению Макнамары, было предельно рационализировать процесс разработки военной стратегии, ввести объективные показатели, направленные на то, чтобы минимизировать затраты, максимизировав при этом выгоду, тем самым уменьшая влияние иррационального фактора.

В настоящее время бизнес продолжает оказывать свое воздействие на военное дело.

“Эволюция концепций национальных интересов происходит под влиянием методик, применяемых крупными корпорациями для определения приоритетности стратегических целей и задач, выстраивания их иерархии.

Обнаружены многие полезные для стратегии национальной безопасности подходы в анализе зависимости стратегических целей от имеющихся средств и возможных методов их достижения, в исследованиях рычагов влияния на окружающую среду и выработки затем оптимальных вариантов внешней и военной политики”⁸.

С другой стороны, показательно, что идет и обратный процесс, когда военное дело воздействует на американский бизнес, все больше сближая их методы работы. В частности, американский маркетинг широко использует военный опыт.

Об этом свидетельствует изменение акцентов с потребителей това-

ров и услуг на рынке на конкурентов.

“Чтобы сегодня добиться успеха, компания должна начать ориентироваться на конкурентов. Она должна искать слабые места в их позициях и устраивать маркетинговые атаки, нацеленные именно туда. Многие добившиеся в последнее время процветания компании подтверждают это...

Маркетологи должны готовиться вести войну...

Все более важным будет становиться стратегическое планирование. Компаниям придется научиться атаковать конкурентов и обходить их с флангов, овладеть навыками партизанской войны. Им понадобится разведка, чтобы знать о готовящихся действиях конкурентов... Изучение войны – это не просто изучение методов побеждать...

Это еще и овладение навыками не проигрывать”⁹.

Таким образом, методы ведения бизнеса и военной стратегии в США переплетаются и обогащают друг друга. Как в бизнесе, так и в военной стратегии главной задачей становится формирование благоприятной для американской стороны “внешней среды”. Глобальная стратегия США в форме сдерживания или нанесения упреждающих ударов преследует именно эту главную цель на долгосрочную перспективу.

Зависимость от технологий. Как в американском бизнесе, так и в военном деле все большее значение приобретают передовые технологии.

Опора на передовые технологии получили свое выражение в вере в высокие технологии и в вообще в панацею менеджерского и технического рода. Данный взгляд объясняется тем, что:

– *во-первых*, согласно американской стратегической культуре любую проблему можно решить, подобрав правильный технологический прием.

Такой подход можно охарактеризовать как своеобразный технократический подход;

– во-вторых, как непременное условие США обязательно должны обладать технологическим превосходством над любым противником.

В 2002 г. министр обороны Д.Рамсфелд указывал в своем ежегодном докладе президенту и Конгрессу страны, что технологическое превосходство является одной из характерных черт вооруженных сил США и одной из фундаментальных основ американской военной стратегии. Если будет выбор, то США не будут вести боевые действия с кем-либо, если они не обладают таким превосходством.

Задача на технологическое превосходство ставится по двум причинам: с одной стороны это сугубо рациональный подход, чтобы минимизировать затраты и максимизировать выгоду, а с другой – это иррациональный: добившись превосходства, американцы чувствуют себя комфортно, так как находятся в своей культурной среде.

Характеризуя американскую стратегическую культуру, американский эксперт С.Метц подчеркивает, что она включает бесконечный поиск технологических решений проблем, стремление к постоянному усовершенствованию, тенденцию использовать качественное превосходство, чтобы снизить потери и, таким образом, сохранить политическую поддержку боевых действий, а также ощущаемую необходимость американского военного превосходства.

Поиск технологических решений проблем и стремление к постоянному усовершенствованию получили свое практическое выражение в так называемой РВД (*революции в военном деле*), которая также стала частью американской стратегической культуры.

Таким образом, две взаимосвязанные концепции РВД и необходимость трансформации подчеркивают акцент на постоянное изменение и совершенствование, что стало частью американской культуры. Конечно, эта тенденция будет иметь устойчивый и длительный характер, поскольку позволяет США идти по проверенному и хорошо разработанному пути внедрения современных технологий. С другой стороны современные технологии позволяют использовать рациональную модель, где это возможно.

Стремление к массированному и быстрому применению военного насилия. Поскольку стратегическая культура проистрастила из общей культуры социума, то фактор времени в военной области также имеет прямое отношение к его восприятию в гражданском обществе.

Известное высказывание из мира бизнеса, что “время это деньги”, находит свою реализацию в стремлении американской стратегической культуры добиться быстрых искихных результатов, то есть победы.

Отсюда вытекает принцип массированного применения американской превосходящей силы, нацеленного на быстрое достижение положительного результата. Поэтому доктрина Уайнбергера – Пауэлла была принята как органично отражавшая особенности американской стратегической культуры.

Политолог Э.Коэн приводит две доминирующие характеристики американской стратегической культуры как предпочтение массированному сосредоточению большого количества личного состава и техники и пристрастие к непосредственному и интенсивному наступлению.

Согласно американской стратегической культуры и американскому способу ведения войны когда Соединенные Штаты наконец создали наци-

ональный подход к применению силы в международной политике, стратегия уничтожения стала характерным американским способом ведения войны.

Правильное понимание и принятие во внимание стратегической культуры важно, так как она представляет ту среду, где дискутируются вопросы, связанные с применением военной силы США, и принимаются решения. Кроме этого, “понимание стратегической культуры и стиля может помочь объяснить, почему американские политики принимают определенные решения. Более того, если удалось пролить свет на прошлое и настоящее, то будет возможным применить концепцию стратегической культуры (и стиля) для предсказывания тенденций поведения в будущем”⁴.

Примечания

- ¹ Gray C. Stability Operations in Strategic Perspective: A Skeptical View // Parameters. 2006. Summer. P. 2.
- ² Gray C. National Style in Strategy: The American Example // International Security. Fall, 1981. P. 22.
- ³ Gray C. Nuclear Strategy and National Style. Lanham, Md.: Hamilton Press, 1986. P. 40.
- ⁴ Gray C. Comparative Strategic Culture // Parameters. 1984. Winter.
- ⁵ Киссинджер Г. Восток есть Восток // Итоги. 2001. 17 апреля. С. 34.
- ⁶ Kissinger H. Anatomy of a partnership // International Herald Tribune. 2006. March 10.
- ⁷ Шаклина Т. Российско-американские отношения: от иллюзии партнерства к реальности взаимодействия // США и Канада. 2004. № 12. С. 7.
- ⁸ Жинкина И. Стратегическое мышление США // США и Канада. Политика. Экономика. Культура. 2002. № 3. С. 88.
- ⁹ Райс Э., Траут Дж. Маркетинговые войны. СПб., 2000. С. 20–24. Цит. по: Жинкина И. Стратегическое мышление США // США и Канада. Политика. Экономика. Культура. 2002. № 3. С. 87.
- ¹¹ Gray C. Comparative Strategic Culture // Parameters, Winter 1984.

Подписка на 2007 г.

**на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 – на 6 месяцев**